

В ТЕ ГРОЗНЫЕ ДНИ

На 242-м километре автомагистрали Москва—Минск стоит памятник-мемориал. Его венчает бронзовая фигура добровольца-бауманца, бросающего гранату. Памятник поставлен 7-й Бауманской народным ополчением дивизии, входившей в состав 32-й армии и сражавшейся на этом рубеже в октябре 1941 года.

Среди тех, кто встал на защиту Москвы в те суровые дни и преградил путь фашистам, был и Василий Васильевич Калмыков, участник первой мировой и гражданской войны. Он, как и тысячи москвичей, по зову сердца вступил в народное ополчение и прошел боевой путь от Москвы до Праги. Но свой первый бой он принял на вяземской земле. И эти события навсегда остались в памяти ветерана. Василий Васильевич награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, многими медалями...

На снимке: В. В. Калмыков.

Начало второй мировой войны, развязанной фашистской Германией в 1939 году, застало меня на службе в Красной Армии в одном из танковых подразделений на западной границе нашей Родины. Здесь же в 1939 году меня приняли кандидатом в члены ВКП(б), а в 1941 году, когда я уже работал в депо станции Вязьма, — в члены партии.

22 июня война пришла на нашу землю. Я в то время работал машинистом паровозного депо. Западная дорога находилась на направлении главного удара противника, она стала на всем своем протяжении ареной напряженных боев.

Работа железнодорожного транспорта, в том числе и паровозного депо, перестроилась на военный лад. Уже на четвертый день войны в депо стали поступать паровозы с пробоями в котлах и тендерах. Немедленный, скоростной ремонт паровозов для обеспечения продвижения поездов к фронту осуществлялся под руководством заместителя начальника депо, коммуниста В. Н. Иванова-Афанасьева и мастера депо А. И. Фомченко. Работали круглосуточно.

Большую организаторскую, партийно-политическую работу вел партком паровозного депо, возглавляемый секретарем парткома А. В. Зверевым. Он всегда находился в кругу своих товарищей, вдохновлял их на выполнение сложнейших заданий. Секретарь знал в лицо каждого машиниста, помощника машиниста и кофегара. Он умел распознать настроение рабочих, знал, кого отправить на более ответственное задание.

Особенно сложно было водить поезда к линии фронта. Часто не было связи, освещения, сигнализации в ночное время. Кроме того, на первых порах железнодорожники не имели никакого оружия, да и составы никем не охранялись. Машинисту приходилось самому ориентироваться в сложной обстановке, часто под бомбежками и обстрелами врага. Что-

бы сбить противника с толку, приходилось идти на различные ухищрения. Например, чтобы создать видимость попадания в паровоз, машинист открывал краны продувки котла, и вода, превращаясь в пар из-за большого давления, создавала видимость взрыва паровоза. А когда стервятники удалялись, состав продолжал двигаться к линии фронта. И за все то время, пока шел обстрел или бомбежка состава, машинист не имел права покинуть локомотив. Были случаи, когда паровозные бригады становились свидетелями высадки диверсантов-парашютистов.

Учитывая эти обстоятельства, паровозные бригады стали вооружаться винтовками и другим оружием. И нередко бывало так, что железнодорожники уничтожали диверсантов или брали их в плен и доставляли по назначению.

Дорога к линии фронта с каждым днем становилась все короче и короче в связи с наступлением противника. Но все равно длились эти рейсы по 3—5 суток. Хочу рассказать о последнем рейсе до станции Смоленск-Сортировочная, который начался 10 июля 1941 года.

«Большой рейс», так назвали его корреспонденты «Боевого листка железнодорожников», который был выпущен в августе 1941 года издательством Политического управления НКПС. А суть дела была такова.

Мне было приказано доставить горячее сражавшимся в районе Смоленска частям Красной Армии. Около пяти суток шел состав в Смоленск, неоднократно подвергался бомбардировке вражеской авиацией. В ночь с 15 на 16 июля я привел состав на станцию Смоленск-Сортировочная. Танкисты и моторизованные части, сражавшиеся в районе Смоленска, получили горячее. Южная часть Смоленска была занята противником, и там шли упорные кровопролитные бои.

Немного пополнив запасы угля и воды, я стал выводить паровоз в парк отправления. Обслуживающего персонала было очень мало, и стрелки иногда приходилось переводить самим. К тому же в это время вражеская артиллерия начала обстреливать станцию. Около 10 часов утра 16 июля ко мне подошел командир Красной Армии и попросил увести состав, стоявший на станции. Это был последний состав. С помощью оставшихся железнодорожников и своей бригады я подцепил локомо-

тив к вагонам, проверил сцепление вагонов, соединил рукава автотормозной магистрали.

Около 11 часов стал пробираться в сторону станции Колодня и далее в сторону Вязьмы вслед за идущим впереди поездом. Около 2 часов ночи 17 июля, подъезжая к станции Присельская, мы узнали, что на переезде Присельская—Ярцево высажен десант противника.

На паровоз пришел начальник эшелона. Я доложил ему о создавшейся обстановке и предложил попробовать прорваться. Он одобрил это предложение. На паровозе установили несколько пулеметов, и мне было поручено командовать этой огневой точкой. Заправив топку и подняв пар до полного давления, я тронул состав в дальнейший путь. Однако вскоре железнодорожное полотно оказалось заваленным взорванным составом.

Около десяти дней мы обороняли станцию Присельская. Вечером 26 июля к станции Присельская под прикрытием истребителей направились немецкие танки; а утром 27 июля станция была занята врагом. Около двух часов ночи я успел отвести состав в сторону Смоленска на станцию Кардымово и поступил в распоряжение команданта станции. И все же мы оказались в окружении.

Постепенно кольцо окружения сжималось. Вечером 28 июля меня вызвал командант станции и сообщил, что в нескольких километрах находится враг. Снабдив меня взрывчаткой, он приказал взорвать паровоз. Приказ был выполнен, и я с группой товарищей покинул пределы станции и стал пробираться из окружения. 2 августа я вернулся в родное депо и снова стал водить поезда к линии фронта.

А за тот памятный рейс я был удостоен высокой награды — ордена Ленина.

С тех пор прошли годы. Отгремели залпы войны, страна залечила раны. Отстроилась и похорошела Вязьма. Многие стали забывать, но одно мы помним свято: имена наших товарищей, не дождавшихся светлого Дня Победы — Н. Горчанинова, И. Петрова, П. Урядникова, погибших под Сталинградом. С. Орлов погиб под Калугой, А. Ельчинский — под Торжком...

И сегодня в честь 42-й годовщины освобождения от немецко-фашистских захватчиков и в память о тех, кто погиб на полях сражений, локомотивные бригады орденоносного депо Вязьма, верные славным традициям, поведут поезд на экономенном топливе и электроэнергии.

Б. БОЛОТИН, бывший машинист Вяземского локомотивного депо.

МИТИНГ В ВЯЗЬМЕ

День начался пасмурным утром. Холодный ветер гнал низкие длинные тучи, шумел в ветвях голых деревьев. В избе, где разместился штаб полка, которым командует полковник Басов, возле окна, на столе стоит радиоприемник. Сквозь треск и шум помех слышится голос диктора. Тяжелые, горестные слова доносятся из репродуктора, и лица людей, собравшихся у приемника, становятся суровыми и печальными: радио передает сообщение чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Разрушена и сожжена Вязьма...

Вокруг, куда ни посмотри, обгорелые, черные бапки, печные трубы и остоны печей на перепелищах. Из блиндажей и уцелевших изб выходят бойцы, собираясь на митинг. Высокий усатый знаменосец несет гвардейское знамя. Ветер развернул знамя, и на полотнище четко высветился портрет Ленина. А вокруг уже собрались бойцы и командиры. Начинается митинг. Первым выступает полковник Басов.

— Мы хорошо знаем те издевательства и надругательства, которые творят немецко-фашистские захватчики на нашей земле. Все это прошло перед нашими глазами. Все это вселяет в наши сердца справедливое чувство гнева и мести за сожженные города и села, за кровь советских людей.

В своем выступлении командир батареи гвардии лейтенант Николай Правдин, сын алтайского крестьянина, говорил о том, что раньше ему приходилось неоднократно бывать в Вязьме. И вот теперь, глядя на разрушенную и сожженную Вязьму, он не может найти ни тех людей, которых знал когда-то, ни тех улиц, на которых они жили. И он призывает собравшихся беспощадно бить ненавистного врага.

Белорус из Гомельской области гвардии старший лейтенант Василий Зайцев не может сдержать волнения и дрожи в голосе, когда говорит о том, что артиллеристы его батареи и впредь будут громить врага так, как громили они немецкие танки в недавнем сражении, когда уничтожили шесть вражеских машин. Но особенно взволновала

присутствующих речь 69-летней Федора Трифонова. Его жену немцы повесили, дом сожгли, его самого жетого избили, сломали плечо. Он требует мести.

И гвардейцы, собравшиеся на митинг, дают клятву: беспощадно мстить врагу за горе, принесенное советскому народу.

А. КУЛАКОВ, гвардии подполковник в отставке.

◆ Победа в Великой Отечественной войне позволила советскому народу не только восстановить разрушенные и сожженные города и селено и сделать их за эти мирные годы красивыми и цветущими.

Из руин и пепла встал на древний Смоленск — город-руженик, город-герой.

На снимке: площадь имени Р. И. Ленина; Дом Советов.

(Смоленская фотохроника).